

DOI 10.25991/AE.2019.24.50.014
УДК 821.161.1+821.131.1

О. В. Шуган

Шуган Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, olgashugan@gmail.com

БУДДИЗМ КАК КРАЙНЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ «АЗИАТЧИНЫ» В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ М. ГОРЬКОГО

Автор исследует корни идеи «азиатчины» у Горького, отношение писателя к буддизму и к философии Востока в целом. Показано, что восприятие писателем восточной религии и философии можно рассматривать в контексте духовных исканий Серебряного века. Дуализм понятия «Восток» и связанные с ним коннотации отразились в творчестве, публицистике и эпистолярном наследии писателя. Исследуется полемика Горького с Р. Ролланом 1923–1924 гг. по поводу личности Махатма Ганди. Субъективизм оценок Горького объясняется «востокобоязнью» Горького, идущей от идей «панмонголизма» В. Соловьева.

Ключевые слова: буддизм, «азиатчина», Р. Роллан, Восток, М. Ганди, Л. Толстой, В. Соловьев.

O. V. Shugan

THE BUDDHISM AS EXTREME EXPRESSION OF “BACKWARDNESS”
IN CREATIVE CONSCIOUSNESS OF M. GORKY

The author investigates the roots of the idea of “backwardness” of Gorky, the writer’s attitude to Buddhism and to East philosophy in general. It is shown that the perception by the writer of east religion and philosophy can be considered in the context of spiritual searches of Silver age. The dualism of the concept “East” and the related connotations were reflected in works, journalism and epistolary heritage of the writer. Gorky’s polemic with R. Rolland of 1923–1924 concerning the personality Mahatma Gandhi is investigated. The subjectivity of the estimates of Gorky speaks to Gorky’s “vostokoboyaznye”, results from the ideas of “pan-mongolism” of V. Solovyov.

Keywords: Buddhism, “backwardness”, R. Rolland, East, M. Gandhi, L. Tolstoy, V. Solovyov.

Интерес Горького к Востоку можно интерпретировать в контексте идейно-философских поисков конца XIX — начала XX в. [9]. Благодаря Владимиру Соловьеву в России сложилась концепция «двух Востоков» — Востока Ксеркса и Востока Христа, поэтому Восток привлекал и одновременно пугал поэтов и писателей Серебряного века: апокалиптические видения чередовались с восприятием Азии как земли обетованной. Из всех философско-религиозных систем Востока именно буддизм приобрел на рубеже XIX — XX вв. наибольшую популярность в Европе и России, большую роль сыграло в этом учение Е. Блаватской и распространение теософии. В то время, как Европа переживала кризис, восточная религия и буддизм стали притягательными не только как источник мистических откровений, но и как «остров» спокойствия, гармонии и умиротворения. Вместе с другими восточными религиями, «буддийские образы заняли устойчивую нишу в русской литературно — эстетическом и философском творчестве, став элементом ориентальной мифологии в индивидуально-творческом преломлении», — пишет Р. Ф. Бекметов [1, с. 173]. Попытки выявления элементов философии буддизма в пьесе Горького «На дне» привели нас к выводу о том, что буддизм стал важной философской составляющей этого произведения, в котором выявлены параллели реплик героев с буддийскими текстами [13, 14].

Интерес Горького к буддизму, как в капле воды, отражает его отношение к Востоку в целом. У Горь-

кого было свое понимание «двух Востоков», отмечала Н. Н. Примочкина [10, с. 65]. По мнению исследователя, писатель «различал и противопоставлял» древние культурные традиции Востока и «государственное устройство, психологию, религиозные и трудовые навыки восточных народов, которые губительно, по его мнению, влияют на душу русского человека» [10, с. 65]. С одной стороны — восхищение филигранным мастерством художников, резчиков, цветистой поэтикой художественных произведений Востока, с другой — отрицание «азиатчины».

В концепции «азиатчины» у Горького проявилась востокобоязнь, идущая от идей «панмонголизма» В. Соловьева. Слова «азиатский», «азиаты», «азиатчина» постоянно встречаются у Горького и всегда с негативной коннотацией. Горький называл этим понятием все то, что он отвергал: пассивность, косность, пессимизм, фатализм, мещанство и др. Он противопоставлял восточному, обломовскому характеру западное начало, в котором сильны воля, разум, деяние. М. Никё считает, что азиатчина для Горького — «понятие аксиологического порядка», так как она олицетворяла все чуждые писателю ценности и отрицательные явления России [14].

Одна из первых из книг, прочитанных Горьким о буддизме — «Религии древнего мира» архиепископа Хрисанфа [12]. Эта книга хранится в Личной библиотеке Горького с пометами писателя [7, 5184]. Хрисанф (в миру Вл. Ник. Ретивцев (1832–1883),

автор ряда трудов по основному и обличительному богословию на основе философско-исторического метода). Горький лично видел Хрисанфа, епископа Нижегородского, когда тот посещал школу, в которой учился будущий писатель, и на всю жизнь сохранил благодарную память о доброте и мудрости владыки. Этот эпизод вошел в повесть «Детство» (глава 12) [3, с. 187–190]. Восприятие буддизма автором наложило отпечаток на отношение к нему Горького. Хрисанф противопоставлял буддизм христианству, оценивая его в целом отрицательно, критически осмысливая буддистское понимание сострадания, бессмысленное, на его взгляд, самопожертвование, пессимизм и фатализм.

Еще одним важным источником знаний о буддизме стала книга немецкого востоковеда Г. Ольденберга «Будда, его жизнь, учение и община», прочитанная Горьким в юности. «Всякое существование суть страдание» — это глубоко возмутило меня, — вспоминал писатель. — я не очень много испытал радостей жизни, но горькие муки ее казались мне случайностью, а не законом» [5, с. 232].

Вторая волна интереса к буддизму началась у писателя под влиянием Л. Толстого в конце 1901 — начале 1902 г., тогда Горький начал серьезно изучать буддийскую литературу. Толстой «советовал мне прочитать буддийский катехизис», — вспоминал Горький в очерке «Лев Толстой» [4, с. 264]. Горький испытывал на себе магнетизм его личности, но морализаторство Толстого и его желание вовлечь Горького в свою «секту» негативно подействовали на писателя, поэтому он отверг проповедуемый Толстым буддизм.

Как мы видим, три перечисленных опыта знакомства с учением о Будде, вызвали неприятие Горького. Когда Роллан в 1924 г. прочитал рассказ Горького «О первой любви» (1924), он своим чутьем художника угадал причины нелюбви Горького к буддизму.

Вы восстаете против религии Азии, судя о них по книгам Ольденберга и какого-то архиепископа (!). — Мой дорогой друг, судить об азиатском полубоге по книгам герра доктора и известного христианского деришера так же нелепо, как судить о Французской Революции по Тэню и о Мольере по Брюнетьеру — этим двум заядлым педантам с их навязчивыми идеями (письмо от 16 октября 1924 г.) [8, с. 105].

В этом же письме он высказал суждение, что «Будда Ольденберга — не настоящий Будда» поскольку в книге Ольденберга «есть все, кроме главного! — А главное — это духовная красота, личное обаяние Будды и его глубоких и общепонятных речей» [8, с. 105].

Наиболее ярко отрицательное отношение Горького к буддизму проявилось в письме И. Д. Сургучеву 1912 г. Писатель Илья Дмитриевич Сургучев (1882–1956) окончил факультет восточных языков Петербургского университета по специальности «синология». Он печатался в «Журнале для всех»,

«Вестнике Европы», а в 1910 г. Горький привлек его к сотрудничеству в «Знании». В издательстве «Знание» вышел двухтомник сочинений Сургучева. В 1911 г. они лично познакомились на Капри. Сургучев рекомендовал Горькому прочитать «Чимэк Тонилхуйн» (буддийский катехизис): «В нем много ерунды, — но учение о нирване — богодухновенно» [6, с. 564], а писатель ответил 13 (26) января 1912 г.: «Буддийский катехизис — читал, читал “Сутту-Нипату”, “Буддийский сутты” в переводах Герасимова, читал Арнольда и “Душу одного народа” — Фильдинга, что ли, не помню автора. Читал также архиепископа Хрисанфа» и признался, что эти книги ему не нравятся.

Заканчивает Горький письмо к Сургучеву недвусмысленным призывом: «Бегите от Востока». Он настаивает на чуждости европейского и восточного менталитета. «Очевидно — необходимо быть индусом и жить в жарком, влажном климате, где тело должно ощущать таяние, — тогда, может быть, эта желтая скука будет понятна» [6, с. 240]. А через несколько строк высказывает противоположную мысль: о сходстве русского и индийского мировосприятия. «Мы — пассивисты, вот в чем дело, — писал он, — у нас пониженное ощущение жизни и отсюда — социальная анестезия» [6, с. 240].

Певец сильного и свободного Человека, Горький не мог смириться с «пониженным ощущением жизни» в буддизме, с идеей нирваны, которую он, как и Хрисанф, приравнивал к смерти. Очевидно, что буддизм был «биохимически» чужд Горькому, неслучайно он противопоставлял Востоку «арийскую культуру, с ее активной верою в будущее».

В статье «Две души», напечатанной в декабрьском номере журнала «Летопись» в 1915 г., Горький сформулировал мысль, которая давно его тревожила, о двух душах в психике русского человека — восточной и западной, и призвал активно бороться «с азиатскими наслоениями в нашей психике» и «лечиться от пессимизма». Среди отрицательных качеств, которые мы унаследовали от Востока, писатель назвал «стремление к уходу от жизни», или «бегство от жизни, от дела и от людей» и пассивность [2, с. 105]. И хотя Горький в статье «Две души» не упоминает Будду, но именно эти черты он отмечал в буддизме.

Новый поворот этой темы возник в переписке с Р. Ролланом по поводу личности Махатма Ганди. Французский писатель видел на Востоке могучий источник обновления цивилизации, и Ганди был одним из тех людей, на которых он возлагал большие надежды. 8 февраля 1923 г. Роллан сообщил Горькому, что закончил «Очерк» о Ганди (статья «Махатма Ганди» вышла в трех номерах журнала «Эроп» (№ 2–4) с марта по май 1923 г. и подверглась резкой критике в журнале «Кларте». Роллан выражал опасение: «мне кажется, Вы несколько недоверчиво относитесь к индусскому образу мыслей». Все же он надеялся, что после прочтения книги Ганди

Горький полюбит его. «Это самый чистый, самый искренний, самый простой гений из всех, какие существуют теперь в мире» [8, с. 53], — писал он, сравнивая его со святым Франциском Ассизским.

Роллан рассуждал о превратном понимании европейцами личности и дела Ганди:

Европейцы обычно извращают его, говоря о «непротвлении», тогда как, наоборот, речь идет о сверхчеловеческом сопротивлении, подобном сопротивлению первых христианских мучеников <...>. Нет, поведение Ганди нисколько не походит на пассивность, в которой Вы не без основания упрекаете русский народ [8, с. 53].

Горький напечатал статью Роллана в 1-м и 2-м номерах «Беседы» (1923 г.) [11]. Он объяснял, что вокруг имени Ганди бытует столько слухов и домыслов, что было бы хорошо познакомить русского читателя с первоисточником их воззрений, «принятых ими в плоть и кровь» [8, с. 54]. Понятно, что Горький не собирался пропагандировать учение Ганди и его идею героической борьбы, он хотел показать исток философии «пассивизма» в его крайнем выражении и тем самым отвратить своих соотечественников от пагубной идеологии. Горький сравнивал идеи Ганди с философией русской анархической секты и секты хлыстов и секты «нетовцев».

Влияние религиозно-философской мысли индусов сказывается не только у Льва Толстого, это влияние знакомо и народу: у нас давно уже существует секта «нетовцев» или — иначе — «не наших», люди этой секты отрицают Государство, собственность, семью и всякое насилие над волей. Но это очень кроткие люди, злоба совершенно чужда им, и они никому не навязывают своих воззрений. Связь их с мировоззрением Индии — бесспорна [8, с. 54], —

писал он 13 февраля 1923 г. Нетовщина — одно из течений в старообрядчестве среди беспоповцев, возникшее в конце XVII в. в Керженских лесах Заволжья. Нетовцы отказывались от священников и христианских таинств, считая, что их могут совершать любые члены секты. Очевидно, Горький почерпнул эти сведения в книгах о старообрядчестве и расколе, которые имелись в его библиотеке. Писатель отрицательно относился к церковному расколу и сектантству, в которых он видел пережитки язычества, поэтому он обратил внимание на бессознательное использование сектантами санскритских слов «пурана», «сарасван», «Агни», «Майя». Слово «пурана» (означало переводе «делающий свет») было одним из эпитетов бога Солнца. «Сарасван» (текущий), от имени богини рек Сарасвати. «Агни» — бог огня в индийской мифологии.

Горький упомянул, что санскритские слова занесены в Россию, вероятно, сектой кавказских «прыгунов», которые были связаны с «вертящимися дервишами» и с факирами. Мистическая секта «прыгунов» была основана Лукианом Петровым

в 30-х гг. XIX в., достигла рассвета в 50-х гг., когда ее глава Максим Рудометкин объявил себя «царем духовных христиан». Название секты объясняется тем, что во время богослужения ее члены приходили в экстаз, вертясь и прыгая. Не ставя задачу выяснить, действительно ли была связь между русскими сектантами и одной из мусульманских сект, к которой относятся «Вертящиеся дервиши», скажем только, что отторжение писателя вызывала, помимо буддизма, в целом древняя индийская философия.

Аргументы Роллана в защиту Ганди совершенно не переубедили Горького, о чем свидетельствует его письмо от 29 ноября 1924 г. Он назвал Ганди «миражом», опять сравнил его с Львом Толстым, обратил внимание на то, что оба они люди Востока, «люди двух культур, созданных методами пассивного сопротивления злу жизни» [8, с. 112].

Неприятие Горьким Ганди, на наш взгляд, было следствием отрицательного отношения к философии Востока. Слова «пассивное сопротивление» было для писателя оксюмороном, ведь ему принадлежат слова о том, что история окрашивается в новые цвета только кровью. Горький признавался:

философия крестьянских стран — России, Индии, Китая — мне чужда. И, если б я умел молиться, то включил бы в молитвы мои вот эту: «Избави, Господи, от китайского рационализма, русского нигилизма, индусского пессимизма, паче же всего избави Европу от восприятия ею всех трех ядов сих одновременно» [8, с. 103].

Унаследовавший от В. Соловьева «востокобоязнь», Горький надеялся, что Россия повернется на Запад, усвоив европейский способ мышления и активное отношение к жизни, сможет преодолеть вековую отсталость и рабскую покорность, войдет как цивилизованное государство в семью европейских народов.

Литература

1. Бекметов Р. Ф. Несколько замечаний к проблеме «буддизм и русская литература XIX века» // Филология и культура. 2013. № 3. С. 172–176.
2. Горький М. Две души // Максим Горький: Pro et contra. Антология. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 1997. С. 95–106.
3. Горький М. Детство // Полн. собр. соч. Сочинения: В 25 т. Т. 15. М.: Наука, 1972. — 639 с.
4. Горький М. Лев Толстой // Горький М. Полн. собр. соч. Худож. произведения. В 25 т. Т. 16. М.: Наука, 1973. — 631 с.
5. Горький М. О первой любви // Горький М. М. Полн. собр. соч. Худож. произведения. В 25 т. Т. 16. М.: Наука, 1973. — 631 с.
6. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 9. М.: Наука, 2002. — 703 с.
7. Личная библиотека А. М. Горького в Москве. Описание: В 2 кн. М.: Наука, 1981 (ОЛБГ. 1–9176).
8. М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). Архив Горького. Т. XV. М.: Наследие, 1995. — 543 с.

9. Максим Горький и художественная культура символизма. К 100-летию «Сказок об Италии». К 150-летию со дня рождения М. Горького. М.: Азбуковник, 2017. — 292 с.
10. Примочкина Н. Н. Антиномия «Восток-Запад» в мировоззрении и творчестве Горького // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького. М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 9. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 41–81.
11. Роллан Р. Махатма Ганди // Беседа. 1923. № 1. Май-июнь. С. 309–345, № 2. Июль-август. С. 262–333.
12. Хрисанф. Религии древнего мира в их отношении к христианству. Т. 1–3. СПб.: тип. духов. журн. «Странник», 1873–1878.
13. Шуган О. В. Буддийские мотивы в пьесе М. Горького «На дне» (к вопросу национального и интернационального) // Горький и современность: Роль литературы в формировании духовной культуры общества. Коллективная монография. По материалам Всероссийской научной конференции «Горьковские чтения — 2015», приуроченной к 75-летию Литературно-мемориального музея А. М. Горького, в рамках Международного музейного форума «Миссия музея в мультикультурном мире». 8–12 сентября 2015 года. Казань: КазГИК, 2017. С. 157–163.
14. Шуган О. В. «Золотой сон» и нирвана: отражение буддийских идей в пьесе М. Горького «На дне» // Максим Горький: Pro et contra. Современный дискурс. Антология. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2018. С. 589–606.
15. Niqueux M. L' "asiatisme" chez Gorki. Histoire d'un mythe // Russies. Mélanges offerts à Georges Nivat pour son soixantième anniversaire (ed. D. Dykman et J.-P. Jaccard), Lausanne, L'Âge d'homme, 1995. p. 281–293.